

Сейчас наша экономика – не только экономическая, но и социальная проблема тоже – находится на некоторой развилке, на которой она находилась в 1991-1992 годах. Тогда общество кардинально изменилось, и дан ответ, как России развиваться, какую другую экономику по другим правилам строить. Можно обсуждать, как и мы обсуждали в те годы, какова цена вопроса, можно было найти, наверное, более оптимальные пути. Но важно, что, так или иначе, за эти годы была построена, правда, очень дорогой ценой, рыночная экономика, была построена экономика, которая базируется на капитале. И уже в 2000-е годы эта экономика смогла продемонстрировать, после встряски 1998 года, достаточно неплохие результаты развития. Действительно, было «русское чудо». В 2003–2007 годах экономика росла на 7% с лишним в год. При всех рисках мы создали достаточно надежную финансовую систему, где был и профицит более чем 5% в год, и стабфонд, и дальше – резервный фонд и фонд национального благосостояния. Все это было очень серьезным достижением.

Во многом вся идеология и практическая реализация связаны были с именем Егора Тимуровича [Гайдара] и его команды, которая и сейчас продолжает работать в его институте, да и в органах власти.

В то же время получается, что через 20 лет мы опять находимся на развилке, когда кризис показал, насколько эта модель уязвима. Мы начинаем опять спорить о том, нужна другая модель, другая платформа или форма развития или нужно что-то подправить или где-то отыграть назад, убрать тот «перегрев», который кризис убрал в части рынка недвижимости, или отыграть назад в части бюджетных расходов, которые динамично росли не только в предкризисные годы, но и в условиях самого кризиса. Хотя здесь на фоне других стран, особенно тех, на примере которых мы учились, с кого брал пример институт, – США, Великобритания с 10-11%-ным дефицитом бюджета, Россия с 5%-ным дефицитом, а в этом году – меньше 4% выглядит, скорее, как «антипример».

Тем не менее, одной из проблем, которую нужно будет решать и в среднесрочном, и в долгосрочном периоде, это формирование новой модели финансовой системы. Ее образ Алексей Леонидович [Кудрин] попытался сейчас набросать в своем видении. Создать такую модель с не просто восстановившимся, но еще более увеличившимся фондом национального благосостояния или резервным фондом будет очень сложно, если не невозможно, потому что перейти не только к 0-ому дефициту бюджету, но опять к профицитному бюджету – это не только шок. Остается вопрос, насколько создание такого рода финансовой модели совместимо с задачами развития. Потому что один из предметов постоянной полемики, которая у нас и раньше шла, и идет сейчас, заключается в том, что мы создали рыночную экономику. Можно спорить, насколько она конкурентна или олигархична, какова в ней степень свободы, но она – рыночная и она основана на накоплении капитала. Правда, накопление капитала крайне слабое по всем мировым меркам, потому что и норма накопления низкая.

Но, что нам не удалось создать. Нам не удалось в полной мере решить проблему развития. То, с чего начинались все реформы и в 1990 году. Россия по-прежнему остается в этом плане не то, чтобы слаборазвитой страной, правильнее говорить развивающейся страной, но где развитие не приобрело устойчивости, не приобрело зрелости. И это проявляется во многих аспектах, начиная от наших постоянно колеблющихся темпов роста, которые то доходили до 7%, сейчас, если брать наши базовые прогнозы, на среднесрочную перспективу будет рост около 4% в год. В принципе, это неслучайно. Если мы уберем расчетную составляющую, связанную с ростом сырьевых цен – на нефть и на металлы, то даже в 2000-е годы, когда у нас было по 7% с лишним в год, рост, очищенный от составляющей, составлял как раз примерно 4%, то чуть ниже, то чуть выше. И мы сейчас, когда цены, предположим, расти не будут, в реальном выражении стабилизируются, опять выходим именно на эту траекторию развития, которая у нас была и раньше.

Это означает, что Россия будет в лучшем случае либо держаться около 3% мировой экономики, либо даже ее доля будет падать. Это означает, что мы не сможем ни за 10, ни за 20 лет существенно сократить тот разрыв в уровне доходов населения и производительности, который есть между нами и Европой. Примерно через 2-3 года Казахстан, который развивается динамичнее и в кризис не потерял столько, сколько мы, перегонит Россию по уровню доходов на душу населения. И у нас народ начнет ехать не только в США и Англию, но, возможно, и в Казахстан, где и сейчас достаточно много российских компаний. Более того, если брать конкурсы их инновационного фонда, там большей частью проекты, идущие от России, но через Казахстан или с казахскими партнерами.

При этом полностью согласен и тем выводом, который дал Егор Тимурович [Гайдар], причем представляю, насколько ему было сложно, может быть, делать этот вывод, мы очень много говорим об инновационности, но мы не решили этой задачи. «Сколково» – это, конечно, хорошо, только он пока не профинансировал ни одного проекта, будет финансировать со следующего года. Тем не менее, если мы возьмем стандартные показатели инновационной деятельности, самое простое – расходы на НИОКР в процентах к ВВП, у нас – 1%. Уже у Китая 1,5%. Я не говорю про Израиль и Финляндию, в среднем по Евросоюзу – 2%. При этом мы отстаем и по доле госрасходов на науку и тем более по доле частных инвестиций, которые оцениваются всего в 0,3-0,4% ВВП. Т.е. наш бизнес на науку не тратит. Это не означает, что он инновациями не занимается, просто все инновации у него импортные, потому что он их импортирует вместе с технологиями.

В этом плане мы не решили и непонятно, как мы должны решать задачу перехода к действительно инновационной экономике. Без этого нельзя, но и цена вопроса очень большая – не только для бюджета (есть много расчетов, которые делались 2-3 года назад, когда готовилась концепция долгосрочного развития). Мы все равно вынуждены увеличить многие виды расходов – и на науку, если мы не хотим полностью отказаться от самостоятельных научных и прикладных исследований. Если сейчас это 1%, то нужно выходить хотя бы на 1,5%, а потом и 2%. То же самое – чтобы хоть что-то серьезно сделать с образованием, здравоохранением, мы вынуждены существенно увеличить и государственные, и частные расходы на них.

Можно спорить, в чем должно быть ключевое ядро модернизации. Это человеческий капитал, инвестиции в него, но мы и в него особенно не инвестируем. У нас в образовании инвестиции на уровне Индии. По здравоохранению несколько лучше, но мы существенно отстаем от параметров Западной Европы.

Как решить эти проблемы? Декларативные, или заявленные подходы есть, но в полной мере мы эти механизмы не создали, мы не знаем до конца бюджетную цену этих вещей. Хотя оценки есть, и если на них опираться, то мы не можем выйти на нулевой дефицит бюджета, он будет у нас около 2% (больше или меньше) лет на 10–20. Т.е. мы все равно либо вползаем в долговую экономику, и тогда не сможем создать себе резервный фонд, либо должны кардинально менять налоговую систему, а значит, и повышать налоги. Вообще создавать другое общество, другой бизнес, где НДС и эффективная ставка в торговле не 7-8%, а хотя бы 12-13%, я уж не говорю про 18%, а торговля у нас – более 20% ВВП. Не говорю уже про другие сектора.

Поэтому фактически один из вызовов, который стоял перед нами и в 1990 году, и стоит сейчас – это как создать модель действительно развивающейся страны или страны, которая способна развиваться. Потому что развиваться можно по-разному, разные страны эти примеры демонстрируют.

Одна из дилемм, которая, как мне кажется, очень важна и для наших дискуссий и которая была, в моем понимании, смыслом многих предложений и той веры, которой жил Гайдар и его институт, – это то, что развитие должно опираться на свободу. Необязательно свободу в смысле инструментальном – больше конкуренции, ниже

административные барьеры. Хотя мы все этим занимаемся, есть куча планов правительства, но эта борьба похожа, с одной стороны, на борьбу с коррупцией, а с другой – на борьбу с «зеленым змием». И в той, и в другой мы много лет пытаемся одержать победу. Я это говорю не для того, чтобы съерничать и сказать, что конкуренция нам не нужна. Я хочу сказать, что, видимо, свобода нам нужна, нужно продумать, что для нее необходимо помимо, скажем, справедливого суда, отсутствия коррупции или отсутствие административных барьеров.

Один из аспектов этой свободы в том, что нам еще не удалось, но нам нужно придумать, как сделать так, чтобы в России действительно интеллектуальный труд, труд, который связан с самостоятельным бизнесом, предпринимательством, а не с использованием ренты – неважно, властной, природной – мог приносить высокие доходы. Потому что сейчас и при той модели развития, которая у нас есть, это будет страна, в которой все равно – и учитель, и врач, если только он не живет либо на взятки, либо на частные доходы, частную оплату услуг, будет существенно беднее, примерно вдвое, чем в целом те, кто находится в других секторах экономики. Это – одна из ключевых драм. Только когда и ученый, и учитель, и врач в России смогут зарабатывать достойные деньги, мы получим действительно инновационную экономику, а не только страну, которая экспортирует нефть, девушек и будущих лауреатов Нобелевских премий.

Я надеюсь, что такой переворот совместными усилиями мы сможем сделать, потому что мы обречены на то, чтобы все-таки выиграть. И новая модель преобразований, может быть, в результате этих дискуссий появится, и мы сможем начать ее реализовывать. Спасибо.